

10 МАР 1974

Миллионы поклонников цирка и кино знают Юрия Никулина — популярного актера цирка и кино. Но мы не ошибемся, если скажем, что скоро он будет дебютировать в новой для себя роли. Народный артист СССР работает над книгой, которую готовит к печати издательство «Молодая гвардия». О чем эта книга? Сам автор говорит так: «Я пишу о своей жизни. О том, как я рос, был на войне, учился в студии клоунады, как начал сниматься в кино. И о многих других вещах».

Юрий Никулин передал редакции «Советского спорта» несколько страниц из своей рукописи. Речь в них идет о футболе, а не только о футболе.

Юрий Никулин — страстный любитель спорта. Предпочтение он отдает футболу и хоккею. И еще одна деталь. Тридцать с лишним лет назад Юрий Никулин, тогда еще московский школьник Юра, выступил на страницах «Советского спорта»... как карикатурист.

ХОТЯ к футболу я относился тогда довольно равнодушно, отец все-таки часто водил меня на стадион посмотреть очередной матч. При этом он восклицал:

— Боже мой, ну что у нас за сын (он обращался к матери) — никак к спорту не может привыкнуть.

Отец просто мечтал, чтобы я знал и любил спорт. И своего добился. Я полюбил футбол и болел за «Динамо». Отец же предпочитал «Спартак». Спорили мы с ним серьезно. Дома у нас висела таблица розыгрыша футбольных матчей. Рядом с ней — портреты футболистов. Вообще одну из стен нашей комнаты мы посвятили футболу. На картоне я нарисовал, а потом вырезал фигурки футболистов. Примерно по 25 сантиметров каждую фигурку. У каждого своя форма. На стенке гвоздики. Первый — наверху. На него прикреплялся футболист, представляющий ту или иную команду. Первый гвоздик — первое место, гвоздик пониже — второе место и так далее.

По фигуркам легко определялся мое отношение к командам. Плохая команда — игрок нарисован с распухшим лицом (в то время в футболе существовал такой термин: «эти припухли», «эти запухли» — значит проиграла), хорошая команда — и фигурка футболиста красивая — игрок выглядит статным, волевым. Таким я нарисовал динамовца. Представителя «Спартака» я нарисовал несколько неуловимо — шаржированным, очень боясь как бы отец не потребовал замены. И все же товарищ отца — Наум Сергеевич Азарх, часто бывавший у нас дома, потребовал, чтобы «Спартак» я перерисовал. Мне пришлось подчиниться.

Под каждой фигуркой прикреплялась булабочка продолговатая бумажка, на которой крупными буквами писалось количество очков, которое набрала команда, а чуть ниже — количество сыгранных игр.

У отца на столе лежали все справочники и литература по футболу, которую он собирал с начала тридцатых годов.

Когда же раздавался звонок футбольного марша, мы замирали у нашей тарелки-репродуктора и ждали, когда же после секундной паузы раздастся шелчок и на фоне стадиона зазвучит неповторимый, с хрипотцой голос Вадима Синявского: «Говорит Москва... Наш микрофон на московском стадионе «Динамо»...».

Отец был немного суеверным. Каждый раз, выходя из дома, «на счастье» он должен обязательно потрогать пальцем кошку-копилку.

Когда я позвонил в редакцию и спросил:

— Вот, мол, послали карикатуру, будет ли она напечатана, — то мне ответили:

— Напечатать напечатаем, но вам за это ничего не заплатим. Потому что вы еще школьник.

Я даже удивился и сказал:

— Да что вы, какие могут быть разговоры, я сам готов приплатить, только напечатайте.

И ее напечатали. А под карикатурой была подпись:

Обер-лейтенант ему говорит:

— Ты здесь живи, тебе ничего не будет. Ты никакой не пленный, ты мой приятель. Ты мой гость. Я здесь хозяин. Моя рота в обороне стоит.

Усов все внимательно слушал, а сам помалкивал. А офицер продолжает:

— Только у меня к тебе просьба будет. Маленькая. Одна. Понимаешь, ты дол-

«СПАРТАК», «ДИНАМО» И ДРУГИЕ

Рассказывает народный артист СССР Юрий НИКУЛИН.

ку, а проходя по переулку, подержаться за почтовый ящик у дома номер семь.

Однажды мы слушали по радио трансляцию футбольного матча. «Спартак» проигрывал 0:1, а до конца встречи оставалось всего пятнадцать минут. В волнении отец подошел вплотную к репродуктору и стал в дверях. И вдруг «Спартак» сравнял счет, а за минуту до конца забил второй гол и выиграл со счетом 2:1.

С тех пор каждый раз, когда играл «Спартак», отец, слушая радио, за пятнадцать минут до конца матча, независимо от того, какой был счет, вставал в дверях.

— Так будет вернее, — говорил он.

Отец приносил домой различные журналы с карикатурами, смешными историями. И я дома часто рисовал, а отец к ним делал подписи.

Как-то раз к закрытию футбольного сезона (в Москве тогда уже шел снег) я нарисовал карикатуру: футбольные ворота покрыты снегом, рядом сугроб, и из сугроба видно торчащую кепку вратаря, его нос и две перчатки. Отец сделал надпись:

Зимой в природе
каждый стынёт
в своем углу:
Медведь в берлоге,
лягушка в тине,
вратарь в голу.

А вверху мы написали: «К последним матчам на первенство Союза, которые проходили под снегом в Москве».

Карикатуру мы послали в газету «Советский спорт». Но ее не напечатали. Зато весной напечатали другую нашу карикатуру.

Я нарисовал астронома с трубой. Высовывается он из обсерватории, смотрит вверх и видит вместо планеты большой футбольный мяч. Рисунок мы снабдили стихами.

Астрономы ждут ответа
За открытиями в погоне.
Что за новая планета
На московском небосклоне.

«Рисунок Юры Никулина».

Карикатуру поместили в разделе «Письма наших читателей». Я ходил тогда очень гордый. Это было весной, если не ошибаюсь, 1938 года, когда я учился в 9-м классе.

А через год меня призвали служить в армию.

В ГОДЫ войны было немало врезавшихся в память встреч, событий.

Так, в обороне под Пулковым я встретил знаменитого Усова. До войны Усов был судьей всесоюзной категории по футболу. Небольшого роста, толстенький, с виду даже несколько комичный и страшно справедливый, за что мы, болельщики, его обожали. До войны любители футбола хорошо знали всех судей.

Про Усова мне рассказали легенду, а может быть, и не легенду, а действительно историю, которая произошла с ним.

Блокадной зимой пошли в разведку — шесть человек и с ними Усов. Нарвались на вражескую засаду.

Что произошло дальше, Усов не помнит.

Очнулся — и ничего не может понять. Видит перед собой плакат с изображением футболиста с мячом, а на плакате надпись не по-русски.

Огляделся Усов вокруг и понял, что находится он во вражеской землянке. Голова у него перевязана. Кругом тишина. И тут входит обер-лейтенант и спрашивает:

— Ну как ты себя чувствуешь? Ты меня не помнишь?

— Нет, — отвечает Усов.

Тогда обер-лейтенант на ломаном русском языке начал рассказывать.

И выяснилось, что Усов и обер-лейтенант раньше встречались в Германии. В начале 30-х годов на международных соревнованиях рабочих команд. И даже вместе провели один вечер, обменялись адресами, обещали друг другу писать.

Жен мне помочь. Иначе трудно хлопотать за тебя. Давай утром выйдем на передний край, и ты мне просто покажи, где у вас штаб, где склады с боеприпасами, где батареи стоят, ну, сам знаешь, что мне надо.

Утром обер-лейтенант вывел Усова на наблюдательный пункт. Там стереотруба стоит, рядом солдаты покурявают. Недалеко проходит нейтральная полоса, метров сто примерно.

Усов постоял, подумал и сказал:

— Ну, давай карту.

Дали карту. Усов посмотрел на карту и тут заметил, что обер-лейтенант прикуривает и отвернулся от него, потому что зажалка гасла на ветру и обер-лейтенант ее всем телом накрывал, чтобы огонь не погас. Тут Усов вскочил на бруствер и давай что есть силы по снегу бежать.

Потом он рассказывал:

— Бегу я по нейтралке. Если бы время засечь, то, наверное, рекорд по бегу поставил. Немцы опомнились, и начали стрелять. Ранило меня в плечо, но до своих окопов я все-таки добрался.

Прошло время. Наши перешли в наступление. Я попал в плен. Вышел из госпиталей и тоже принимал участие в прорыве. Брали землянку немецкую, ту самую, где жил обер-лейтенант.

Дверь землянки была сорвана, и на пороге лежал мертвый обер-лейтенант. А со стены на него смотрел улыбающийся футболист с мячом в руках, нарисованный на плакате.

Вот такая история произошла с судьей всесоюзной категории Усовым. Что в ней правда, что нет — не мне судить, но история запомнилась.